

Гурий Судаков - легенда филологического факультета, профессор, писатель - называет себя просто учителем. С утра до самого вечера в его кабинете - студенты, аспиранты, коллеги. У всех вопросы, неотложные дела... И знаете, мне бы хотелось у него учиться! Потому что через таких людей неуловимо впитываешь науку быть интеллигентным и вдумчивым человеком - весь этот тонкий шарм настоящего эстета.

**Гурий Судаков,
профессор ВГПУ,
доктор филологических наук**

Господин
профессор

– Гурий – очень необычное имя. Кто решил вас так назвать?

– Это мои мама с бабушкой между собой решили. Они даже отцу не сразу сказали. Как я потом уже выяснил, меня назвали по святым. Любопытно: меня с рождения преследуют загадочные фонетические явления. В свидетельстве о рождении, например, мое имя написано ГурЕй, а в паспорте правильно – ГурИй. По древнееврейскому Гурий – это юноша с прекрасными глазами, а по персидскому – львенок. А я как раз по гороскопу – Лев. Ну и родился я в августе.

– Сейчас люди зачастую неграмотно говорят, пишут по-русски. Вас это раздражает?

– Люди всю жизнь разговаривали, как трава растет. Свободно и без оглядки. А что касается письменной речи, то да. Я считаю, что родной язык нужно знать. И это позор, когда русский человек пишет с ошибками на родном языке.

– Для вас филология – это призвание, семейная традиция или что-то другое? Учитель словесности – довольно редкий выбор для молодого человека.

– Я любил читать, меня привлекал русский язык, и я пошел по пути наименьшего сопротивления. Так что филологом я стал случайно. Как и многие из тех, кто пришел на филологический факультет из-за большой любви к литературе, я думал, что это очень легко и просто. Думал, что книги читать – дело легкое, а если книги читаешь, то и сочинение написать – не проблема. А если сочинение умеешь писать, то кажется, что ты уже Пушкин! – смеется Гурий Васильевич. – В действительности филология оказалась сложной и увлекательной наукой.

– А как к вашему выбору отнеслись родители?

– Родители вообще-то хотели, чтобы я стал врачом. Говорили: хорошо, когда в семье есть врач. Но и от филфака не стали отговаривать. Отец сам всю жизнь работал

учителем начальной школы – самой важной школы, потому что с нее все начинается. А мама работала продавцом в сельском магазине. Ей приходилось много заниматься воспитанием детей: нас в семье было шестеро.

– Как вы думаете, кто из ваших братьев достиг наибольшего успеха в жизни?

– Что значит успешные? Один из братьев, Виктор, живет в Тихвине, он – строитель, уважаемый человек, был депутатом. И наверняка его можно назвать успешным человеком. Сейчас появилось новое понятие успеха. Если у тебя денежная работа – значит, ты успешен. И при этом мы забываем о душе. Ты можешь зарабатывать большие деньги, но если на душе неспокойно, какое же это благополучие или успех?

– А что лично для вас значит «успех»? Как вы для себя это определяете?

– Для меня успех – это «успеть». Вот когда успею все сделать, я буду успешен, – улыбается Судаков. – Но пока не все успеваю. Слишком много дел. А может, просто лень заедает иногда.

– У каждого из нас в жизни есть свои ориентиры. Люди, которые нас восхищают какими-то своими качествами. Кто это для вас?

– Я вообще восхищаюсь умными людьми. И мне в жизни очень везет на таких. Например, академик Дмитрий Шмелев, он был моим оппонентом на защите диссертации: он покорила меня тем, что, несмотря на мощный интеллект и ум, был очень скромным человеком. Еще у меня был учитель – Алексей Лосев, очень известный философ-лингвист, доктор наук. Он издавал Платона и «Историю античной эстетики» и при этом был абсолютно слепой! И, несмотря на этот недуг, он великолепно преподавал, был мультилингвистом: латынь, немецкий, французский, древнеславянский, даже древнегреческий язык... А это – один из сложнейших языков! Его день начинался с того, что к нему приходили чтецы и читывали ему тексты. И он все помнил. Потрясающий ум и потрясающая память! Вот такими людьми я восхищаюсь.

– Рядом с мужчиной таких взглядов наверняка должна быть особенная женщи-

С супругой Светланой и любимыми внуками Гришей и Захаром

Сын Владимир с женой

на, ведь покорить вас можно лишь умом! Ваша супруга тоже филолог? Как вы познакомились?

– Да мне выбирать было некогда, поэтому выбрал ту девушку, единственная из которых попала в поле моего зрения: мы учились в институте на одном курсе, и на одном из занятий моя будущая супруга оказалась впереди меня за партой. Вообще обычно я за первой партой сидел и ничего и никого, кроме преподавателя, учебника и доски, не видел. А тут пересел – и вот же-

нился... У нас единственный сын, Володя. А Светлана действительно тоже филолог, но сейчас уже на пенсии, внуками занимается.

– Вы столько лет прожили вместе с супругой... Ваш секрет крепкого брака?

– Мы не успевали друг другу надоесть: после свадьбы и окончания института я уехал служить в армию, потом мы четыре года жили вместе, и у нас в это время родился Володя. А потом я на три года уехал в Москву в аспирантуру, спустя какое-то время – еще два года докторантуры...

Так что нам просто некогда было выяснять отношения или скучать. И вот в этом году у нас с супругой 50 лет брака.

– Сколько у вас внуков?

– Два мальчика. Старший – Григорий, он в четвертом классе, а младший, Захар, – в третьем.

– Ваш сын пошел по вашим стопам?

– Сначала – да. Он тоже в школе занимался спортом, окончил исторический факультет, преподавал, закончил аспирантуру. А потом пришли 90-е, он женился, нужно было зарабатывать деньги... И он пошел в бизнес: его фирма занимается продажей нефти и бензина.

– Вы не жалеете, что он не стал учителем, не продолжил семейную традицию?

– Это его жизнь, но учительство у него получалось, это для меня хороший знак. Я очень горжусь тем, что в его семье на детей никогда не повышают голос, не говоря уже о том, чтобы ударить. В семье сына умеют находить с ребятами общий язык и воспитывать их без насилия. А детство – это самый важный период в жизни каждого человека.

– В вашей биографии есть такой пункт, как политика. В свое время вы даже были председателем Законодательного собра-

ния Вологодской области. Как так получилось?

— Это случайность, я сам никогда не стремился в политику. Но время было такое: когда в 1989 году начались все демократические процессы, в вузе стали решать, кто в какие уровни власти может пытаться идти на выборы. Я был заведующим кафедрой, занимался общественной работой. И общим собранием решили, что мне нужно идти в совет народных депутатов от нашего института. Я так думаю, что случайно победил на выборах, стал депутатом. Но тогда работать в политике было одно удовольствие: туда пошло много образованных умных людей. Сейчас бы так... А в то время была какая-то всеобщая наивная надежда на перемены. Мы тоже решили делать все по-новому: такой регламент написали, что стало понятно — мы не просто наступаем партии на пятки, а берем ее за горло. Да, мы были в контрах с КПСС. Но со временем я стал ясно понимать, что один в поле — не воин: нужно менять всю систему на федеральном уровне. Мы хотели работать, горели идеями, но от нас действительно мало что

зависело: над нами была законодательная власть федерального уровня. Пришло понимание какого-то бессилия. Я с первого дня говорил товарищам: «Ну ладно я, у меня тыл хороший, я всегда могу вернуться к учительству, а вам-то это все зачем?» И когда появилась возможность вновь вернуться в науку, это стало для меня облегчением. Я — не политик. Я — учитель.

— Тем не менее на вас до сих пор лежит общественная нагрузка: вы уже в течение 12 лет — председатель комиссии по помилованию.

— Я всегда считал, что моя работа в комиссии — это мое наказание за то, что я был какое-то время представителем президента Бориса Ельцина в области. Сейчас ведь Ельцина не особенно любят. А в 2000 году, когда комиссию создавали, это было интересно.

— В чем заключается работа в комиссии по помилованию?

— Мы рассматриваем ходатайства, которые заключенные пишут на имя президента. Разумеется, выезжаем в колонии, общаем-

ся с ними. У нас 12–14 выездов в течение года.

– Ваше личное мнение: можно и нужно ли миловать преступников?

– Изначально тюрьма была задумана для того, чтобы преступник исправился: это исправительное заведение. Я в это верю. Но люди разные. Есть люди, которым достаточно двух месяцев лишения свободы, чтобы осознать всю глубину своих ошибок, а кому-то и всей жизни не хватит. А если заключенный сохраняет связь с родственниками, работает, пытается сохранить в себе человека, то всегда есть шанс.

– Наверное, очень тяжело говорить в глаза человеку, который навсегда останется за решеткой, что сделать ничего нельзя?

– Конечно, тяжело. У нас в первом составе комиссии был отец Константин. Через два года работы он сказал мне: «Замените меня, сердце не выдерживает». Как не переживать, мы же не только бумаги смотрим, мы с живыми людьми общаемся.

– Вы вообще строгий человек?

– Не сказал бы. Скорее требовательный. Моя строгость относится не к человеку, а к качеству выполненной работы. Например, если аспирант мне пишет лингвистическую экспертизу, то наверняка не менее семи раз он у меня ее будет переписывать. Потому что мне важно его научить это делать. И наверняка в этот период я своим студентам кажусь просто чудовищем, – смеется Гурий Васильевич. – Но зато потом они мне благодарны.

– А к себе так же требовательны?

– Скорее да. Никогда не опаздывал без уважительной причины. У меня в студенческие годы был такой распорядок дня: я должен был лечь спать обязательно не позднее 22.00 и в 7 утра встать без всяких отговорок. Я же еще спортом занимался. Кандидат в мастера спорта по лыжам, 2-й разряд по легкой атлетике и 3-й разряд по волейболу.

– Спорт действительно дисциплинирует. Но вот как ребенка приучить к этому, привить желание к спорту?

– Спорт – это сейчас удовольствие, а тогда он был просто необходимостью. Вообще

многое у человека в жизни развивается «по нужде». Я родился в деревне: начальная школа была за 2 км от дома, то есть каждый день 4 км туда и обратно. А средняя школа была за 7 км, вот это было да... И зимой ходили на лыжах, правда, лыжи — одно название, деревянные доски, но все-таки полегче. А потом уже переехал в среднюю школу в Кадуи и там серьезно начал заниматься спортом.

— У вас очень напряженный график. Как отдыхаете?

— Есть два варианта. Первый — когда я слишком устал, беру детектив. Они пустые, но 20–30 страниц хватает освоить героев, потом книгу убираю, потому что неинтересно. Второй вариант — читаю Пушкина или дневники Толстого. Очень люблю Пушкина. Если бы была моя воля, я бы в школах давал читать только его. Потому что те, кто освоил Александра Пушкина — прекрасно разбираются в литературе. Все остальное — это лишь подобие. А вообще в свободное время больше всего люблю ходить в областную библиотеку.

— А спортом до сих пор занимаетесь?

— Я играл до последнего времени в волейбол, у нас была своя команда. А сейчас играю в настольный теннис.

— Автомобиль водите?

— Нет, в свое время некогда было учиться на права. Хотя на самом деле я очень боялся, что машину придется ремонтировать все время. Так и не стал учиться, к тому же для дел была машина с водителем, не было необходимости.

— Домик в деревне есть?

— После армии тянуло в деревню на родину. Я там сам домик построил еще в начале 90-х. Сейчас там сын в основном отдыхает, мы его с детства возили туда.

Он так привык, что еле уговорили с нами в Болгарию съездить. Два месяца уговаривали. Согласился только потому, что в Болгарии были жевательная резинка и кока-кола.

— Вы наверняка ездили в Европу. Какой город вам по душе?

— Я очень люблю Париж. Это очень удобный и простой город для жизни. Я там даже не страдал от незнания языка, настолько там все доброжелательны. А за границу я первый раз поехал в 1989 году в Азию, ездили в Сингапур, Таиланд. И тогда был сильно удивлен: мы были уверены, что

едем в джунгли, а приехали в цивилизацию — развитая промышленность, прекрасные дороги, инфраструктура, а какие там красивые люди! Фигурки у женщин — как фарфоровые статуэтки. Я еще подобное наблюдал только на Кавказе.

— Вы обращаете внимание на красивых девушек? Вы вообще эстет в этом?

— Я сам — спортсмен, и для меня безукоризненные формы — это, безусловно, хорошо. А вообще я считаю, что

самые красивые девушки — на филфаке, — смеется Гурий Васильевич. — И в этом есть всегда элемент конфуза: когда я вижу в городе стройную женскую фигурку издали, я уже знаю — это наверняка студентка филфака. И смотреть на нее могу уже только как учитель. Подходишь ближе и слышишь: «Здравствуйте, Гурий Васильевич!»

— Вы много прожили, многое видели... В чем для вас счастье в жизни?

— Просто ощущать, что ты нужен. Самое большое несчастье, когда ты никому не нужен. Мне повезло: я чувствую себя на своем месте. Занимаюсь любимым делом и востребован до сих пор. В этом — счастье.

Наталья Новинская